

ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА СИМОНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур факультета русской филологии, Московский государственный областной университет (Москва, Российская Федерация)
mouette37@yandex.ru

ФРАНЦУЗСКИЙ ЛИЧНЫЙ РОМАН: К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРА

Рассматриваются жанровые особенности французского личного романа, представленного в творчестве Ф. Р. де Шатобриана, Ж. де Сталь, Б. Констан, Ж. Санд, А. де Мюссе, Ш. Сент-Бева, О. де Бальзака. В поле исследовательского внимания оказывается вопрос о преемственности романа XIX века относительно традиций сентименталистской литературы. Прослеживается связь жанра с мировоззрением романтической эпохи, его повествовательные принципы, разбирается проблема автора и героя в личном романе. Особое внимание уделяется вопросу о связи личного романа с другими автобиографическими жанрами.

Ключевые слова: роман, герой, романтизм, автор, культура

Личный роман как феномен французской литературы обязан своим появлением ситуации исторического и культурного разрыва, произошедшего в период революции и наполеоновских войн. Человек дорого расплачивается за свою принадлежность современности с ее изменчивым, ускользающим ликом. Необратимые общественно-исторические процессы приводят к нарушению связи с прошлым, личность больше не находит опоры в традиции, уходит в прошлое все, на чем держалось привычное мировидение. Все составляет проблему – закон, политическая власть, вера. Новое время не спешит дать ответы на волнующие человека вопросы. По мнению П. Барбери, после революции люди были обречены на существование «в мире без ориентира, кризис которого глубоко переживается одновременно как реальный и конститутивный, но безвыходный» [6; 93]. И. Ваде в книге «Очарование литературы. Письмо и магия от Шатобриана до Рембо» в главе «Разрывы истории и чары письма» пишет о том, что в XIX веке наряду с социополитическими разрывами имел место «целый ряд разрывов эпистемологических, культурных и даже онтологических, переворачивающих за короткий период обычаи, верования, ментальные построения, которые пришли из глубины веков» [16; 91]. Очень точно ситуацию, в которой после Великой французской революции оказался человек, очертил Ж. Гюсдорф: «“Я” не должно было искать себя в воспоминании прошлого или в измышлении возможного, но в утверждении идентичности, способной противостоять времени и организовать его в соответствии со своей волей» [11; 273]. Революция открывает безграничные возможности для самоопределения и самоосуществления личности, которая, не имея больше мировоззренческой опоры, оказалась в ситуации абсолютной свободы.

В литературу приходит новый герой, переживающий внутренний надлом, одержимый беспокойством, болезненным ощущением отсутствия, нехватки, тоской по утраченному смыслу. Молодой герой наделяется ищущим сознанием. По мнению А. Вине, у Рене, Вертера, Обермана, Адольфа «нет ни веры, которая связывает с Богом, ни долга, который связывает с людьми» [17; 307–308]. Герой личного романа переживает неблагополучие мира, неразрешимость в индивидуальном бытии противоречий миропорядка. Словами Ж. Мерлана, «всякое глубокое размышление приводит к горю», поэтому личный роман «всегда заканчивается страданием, открывая горизонт безграничной грусти» [13; 13]. Важную роль играет настоящее, конкретный момент, когда происходит духовное становление героя. Однако это настоящее разомкнуто в вечность, перед лицом которой герой проверяет свою состоятельность.

Безусловно, можно говорить о связи героя личного романа со своим временем: герой становится «сыном века», в его драматической судьбе находит отражение «зло века» и т. д. Однако сущность романтического героя не сводится к конкретно-историческому времени и им не определяется. Проблема должна быть поставлена гораздо шире, укажем хотя бы на образ Гамлета как метафору мыслящего человека, потерявшего опору в традиционных ценностно-мировоззренческих ориентирах, переживающего «распад времен». В поиске знания человек вынужден искать опору в самом себе, все выводить из собственного опыта. В центре письма стоит «я», все исходит из единичного сознания и к нему возвращается. Словами Ж. Оффенберга, «после революционного перелома изменилась сама сущность письма – она стала биографической, эрудиция и традиционность уступают место опыту» [12; 35]. В конечном итоге, личный

роман – это внеисторичное слово, замкнутое на экзистенциальном состоянии пишущего «я». Оно укоренено в длительности человеческой жизни, предполагает видение единой судьбы (это можно проследить, сравнивая роман Шатобриана «Рене» и его «Замогильные мемуары»). Определяя личный роман, можно вспомнить слова М. Эйгельдингера, сказанные им об «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо: «Исторические события и политико-социальная картина ступают перед историей “я”, его души, его характера и его действий; внешнее подчиняется требованиям внутреннего, служит для выражения нравственной и духовной истины» [9; 35]. Историческое воспринимается авторами личного романа как навязываемая необходимость, от которой нужно уйти, которую нужно преодолеть. В распавшемся времени нельзя помыслить целостную историю себя самого и мира, становится важен час предстояния, где сходятся и развитие, и итог. Необходимо заглядывание в себя, разворачивание себя теперешнего, когда весь опыт сходит в одну-единственную точку, свидетельствующую о личностной состоятельности, но именно эта точка и стремится расшириться до вечности.

В романтизме находит отражение кризис религиозного сознания: традиционное христианство перестает быть достаточным онтологическим и аксиологическим основанием. И это не исключает, но, напротив, усиливает желание найти Бога. М. Брикс обоснованно говорит о возрождении святости в XIX веке: «После времени потрясений, спровоцированных Революцией 1789 года, которая верила в возможность упразднить всякую религиозную веру, Франция пробудилась в XIX веке с сильной жадой духовного» [7; 85]. Подобную мысль высказывает П. Ван Тигем, говоря о неопределенном стремлении романтических душ к «идеальному добру», что получает религиозное направление: «...один Бог может дать им точку опоры, которой у них нет, может дать им ответ на загадку жизни, мир и надежду» [15; 271]. Личный роман, который становится поиском Бога, достаточно ярко отражает эту тенденцию. Герой личного романа всегда старается осознать свою связь с Богом, за которым не перестает закрепляться представление об Абсолюте, высшей истине. В герое личного романа присутствует напряженное вопрошание живого духа, который в каждом конкретном моменте стремится узреть вечность.

Романтическое «я» настолько велико, что среди людей не находит равного себе участника диалога, поэтому особое значение имеет обнаружение Бога, перед лицом которого и в диалоге с которым «я» могло бы осознать себя как личность. Однако романтический век отходит от ортодоксального христианства, стремится преодолеть консерватизм традиционной религии, XIX век отличается повышенным интересом к мис-

тическим учениям, провокативно обнаруживает и атеистические тенденции. В поиске веры человек романтизма полагается только на себя, отсюда склонность переоценивать свои возможности в предельно напряженном духовном испытании. Смысл этой веры-отрицания, притяжения-противоборства может быть понят через библейский миф о борьбе Иакова с Богом. Это борьба, в которой через противостояние достигается сближение, или, точнее говоря, это противостояние и сближение одновременно. Бог в этом поединке дает возможность человеку испытать свои духовные силы, твердую настойчивость своего вопрошания об истине (Иаков просит благословить его). Иаков не может одолеть Бога не только потому, что Его нельзя победить, но и потому, что Бог в нем самом пребывает (в мифе на это указывает повреждение бедра – знак, который оставляет Бог в теле Иакова).

Путем поиска идут сами художники. Лишившись твердой опоры в историческом и культурном мире, они воспринимают литературу как последнее прибежище от потрясений, живут надеждой на то, что личная истина может восполнить отсутствие истины социальной и исторической. По наблюдению Ж. Старобинского, литература есть «свидетельница “внутреннего опыта”, силы воображения и чувства, неподвластных объективному знанию; она – та ограниченная область, где по праву господствует очевидность чувства и восприятия, “личная” истина» [5; 295]. И. Ваде указывает на происшедший в обществе процесс исключения всякого монархического и христианского таинства, что стало одной из причин наделения сакральным смыслом литературы [16; 294]. Место религии начинает занимать литература, пошатнувшаяся вера замещается «религией самого письма» [6; 94]. Сакральное значение приобретает сам акт письма, которое становится богоискательством. Литература должна была восстановить связь человека с Богом, став новой верой.

Человек оказался перед жизненно важной необходимостью самоопределения в ситуации отсутствия ориентиров. Отсюда – те бытийные проблемы, которые имеют место уже в творчестве Шатобриана, Констан, Сталь. Авторы передают главным героям романов свои взгляды, делая литературу отправной точкой в самопознании. Литература видится последней опорой и последней ценностью. Жизнь сосредоточивается на литературе, которая и становится настоящей жизнью. Судьба же, в свою очередь, пишется как неоконченный роман. Писательство становится испытанием возможностей художественного слова в отражении экзистенциального опыта, в его способности заменить этот опыт или, вернее, стать самим этим опытом.

Почему именно романтизм был порожден и востребован жанр личного романа? Долгое

время это объясняли субъективизмом романтизма, а также вниманием к неординарной, исключительной личности, некой «героичностью». В частности, это представлено в книге А. Карельского «От героя к человеку» [3; 244]. При таком подходе не принимаются во внимание мемуары, письма, дневники – те автобиографические жанры, которые имеют своей целью изображать именно специфически личное (лишенное героики). В подходе к романтизму необходимо несколько сместить акценты с особенностей изображения личности на характер поисков автором языка для передачи «я». Здесь-то и возникает проблема *личного письма* как саморефлексии и самоидентификации в слове, что предполагает бесконечное экспериментирование, незавершенный поиск самовыражения, становление пишущего «я» в слове.

Личный роман сохраняет связь с судьбой автора, имеет в виду авторское самоосознание посредством литературы, прочтение своей судьбы как текста. По признанию Шатобриана, сделанному им в «Гении христианства», «хорошо можно изобразить только собственное сердце, приписывая его другому, и лучшая часть гения состоит из воспоминаний» [8; 84]. В личном романе находит отражение новое понимание слова и новое отношение между литературой и жизнью. По мнению М. Мамардашвили, «роман, текст есть нечто такое, в лоне чего впервые рождается и автор этого текста как личность», где он «стал впервые действительным “я”, в том числе от чего освободился и прошел какой-то путь» [4; 158]. До книги знание о себе автору не дано.

Личный роман есть запечатление и определение экзистенциального знания. Это движение к самим основам бытия, которое становится бытием-в-слове. В слове является герою-автору таинство жизни и смерти, мгновение и вечность, в слове запечатлевается само пограничное состояние, а также переход от одного к другому. Первый пример такого постижения бытия-в-слове представлен в творчестве Руссо: «...Чтобы управлять употреблением моей жизни, я часто и подолгу старался узнать ее настоящий конец» [14; 159]. «Управлять употреблением»: Руссо дважды утверждает себя как деятеля. Здесь не имеется в виду социальная активность, речь идет об отказе от мира и возвращении к самому себе, познании жизни в ее конечности и возможности перехода в вечность. «Я» направляет свою активность на себя самого, мыслящее «я» должно овладеть собой же посредством слова и с помощью слова совершить переход в вечность.

Французские романтики следовали за Руссо, который ставит своей целью проникнуть в глубинные пласты «я», представить внутреннюю жизнь, осознанную и неосознанную, во всей сложности. На прямую связь «Исповеди» Руссо и личного романа указывает Д. Мортье, замечая,

что начиная с Руссо исповедальный жанр получил большое распространение (при этом литературная исповедь для него есть, прежде всего, форма, пригодная для того, чтобы объединить элементы вымысла, что делает ее литературной игрой) [10; 76]. По наблюдению М. Эйгельдингера, Руссо «стремится овладеть подлинностью своего “я”, становясь над индивидуальными противоречиями и преградами реальности... Он старается уловить сложность своего “я”, углубить и высветить духовную сущность своего существа... Настоящий замысел “Исповеди” – завоевание прозрачности внутреннего “я”» [9; 71–73]. В большей степени, чем «Исповедь», личный роман объясняют «Прогулки одинокого мечтателя». «Исповедь» как автобиография есть повествование о жизни, постепенно разворачивающейся в последовательном, поступательном развитии. «Прогулки» являются последним произведением Руссо, свидетельствующего о своей жизни на пороге смерти. Все повествование стянуто к одному событию, а именно – к осмыслению себя в слове. В отличие от автобиографии личный роман не обращен в прошлое, но является предприятием, событием настоящего. Настоящее в его полноте обретается в исповедальном слове.

Для понимания жанровой специфики личного романа важность представляет определение автора. Личный роман принципиально незавершенным, автор здесь равен герою, видит и знает не больше, чем герой. Можно сказать, что и тот, и другой выступают носителями «открытого и изнутри себя незавершенного единства жизненного события» [2; 96]. В личном романе не может быть большой дистанции между автором и героем. Согласно М. Бахтину, обладающий автобиографической природой герой романтизма, «усвоив завершающий рефлекс автора, его тотальную формирующую реакцию», «делает ее моментом самопереживания и преодолевает ее» [2; 101]. Получается, что автор и герой в романтизме едины как в рефлексии, так и в переживании. Эта предельная близость, срастание героя и автора, объясняет незавершенность героя: «...такой герой не завершим, он внутренне перерастает завершенную целостность как ограничение и противопоставляет ей какую-то внутреннюю тайну, не могущую быть выраженной» [2; 101]. Словами М. Бахтина, «я» героя в романтизме не перестает быть духом – «совокупностью всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя (без отвлечения от Я)» [2; 184]. Важным моментом является мысль М. Бахтина о смысловой бесконечности такого героя, который «все снова и снова возрождается, требуя все новых и новых завершающих форм, которые он сам же и разрушает своим самознанием» [2; 101]. Каждое последующее сочинение *личного письма*, будь то дневник, переписка,

автобиография или роман, выступает как потенциально возможное завершение, которое никогда не реализуется, составляя продолжающееся, принципиально незавершенное письмо.

Личный роман связан с проблемой письма, самовыражения в слове. В нем момент письма автора совпадает с моментом исповеди героя. Автор и герой личного романа тождественны в самом акте письма / говорения. В момент письма автор находится в поиске своей идентичности, стараясь обрести смысл бытия, который оказывается заключен в самом акте самовысказывания. Эмоциональное и духовное напряжение (дух преодолевает свою телесную ограниченность) проявляется как напряжение языковое, стилистическое. Автор, как и герой, пытается разобраться в себе, найти объяснение своим поступкам, оправдать себя, свое присутствие в мире. С помощью письма автор, как и герой, обретает свое единство, находя истинную человеческую истину и представляя ее на суд Богу. Перед читательской аудиторией автор может скрывать себя за «он» персонажа, перед Богом он себя раскрывает в «я». С этим связана установка на искренность повествования. Автор, нарратор и персонаж объединяются в едином голосе, обращенном к Богу как к читателю.

Свобода сознания устанавливается в утверждении неподсудности земному суду. Герой личного романа позволяет судить себя только себе самому и Богу. Им руководит желание быть самим собой, что побуждает отстаивать право на субъективность, независимо ни от чьего постороннего вмешательства. Об этом точно выразился Руссо: «Нужно быть всецело другими или всецело самим собой» [14; 52]. Герой, настаивая на личной правде, стремится освободиться от лицемерного слова общества. В личном романе слово героя о себе противопоставлено слову о нем «другого». Например, слово Рене противопоставлено слову Шактаса и отца Суэля («Рене» Шатобриана), слово Адольфа противопоставлено слову его отца («Адольф» Констан), слово Дельфины противопоставлено слову света («Дельфина» Сталь). Кроме того, для героя личного

романа действует закон «“я” в себе» и «“я” для себя». Он почти бессознательно чувствует опасность «потеряться» в «“я” для другого», понимая, что «другой» оценивает его по-своему, хочет видеть в нем иного, того, кем «я» для себя самого не является.

Личный роман можно соотнести с жанрами предшествующей литературы: именно в литературе XVIII века начинает закрепляться то «цельное знание о мире, воплотившееся в органичной художественной целостности, духовно значимое в развитии нации, социума, отдельных личностей» [1; 42]. На первый взгляд, личный роман близок роману-воспитания. Однако в последнем автору было известно, к чему должен прийти герой, что отвергнуть и как исправиться. Автору XIX века это уже неизвестно: автор придет к некоему знанию вместе с героем, когда его размышления организуются как сюжет романа, отольются в стройную композиционную связь. Исповедальное произведение передает экзистенциальную напряженность, чем и объясняется его обрывочность, эссеистичность, фрагментарность. В конечном итоге, оно есть лишь эпизод, выхваченный из жизни, незаконченной, длящейся. Сентименталистский роман предлагает готовые формулы: сюжетные ситуации, композиционные ходы, образную систему. Однако стремление писателей-романтиков сказать о себе последнюю правду расшатывает традиционный повествовательный дискурс, разрушает привычные каноны. Личный роман отражает то, как романтическая эстетика рождается в тесной взаимосвязи и одновременно отрицании риторической традиции. Писатели-романтики видели свою цель в том, чтобы присвоить посредством языка свое «я», утвердить в слове свою человеческую суть. Задача, которая стояла перед авторами личного романа, — через использование отработанных дискурсивных практик выразить уникальность «я». Они приближались к единственно возможной истинности «я» через преодоление отчуждающего слова и противоречий, возникающих на стыке двух культурных эпох.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов Т. А. История литературоведения и проблемы изучения личности писателя // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2012. № 6. С. 39–44.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2003. 307 с.
3. Карельский А. От героя к человеку. М.: Сов. писатель, 1990. 397 с.
4. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 365 с.
5. Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2002. 599 с.
6. Barbéris P. Rêne de Chateaubriand. Un nouveau roman. P.: Librairie Larousse, 1973. 255 p.
7. Brix M. Les sources mystique de *Corinne*: la femme, l'amour et le sacré // Madame de Staël. Actes du colloque de la Sorbonne du 20 novembre 1999. P.: PU Paris-Sorbonne, 2000. P. 85–98.
8. Chateaubriand F.-R. de. Génie du Christianisme. P.: Firmin-Didot, 1865. 399 p.
9. Eigeltinger M. Jean-Jaques Rousseau. Univers mythique et cohérence. Neuchâtel: Baconniere, 1978. 324 p.
10. Les grands genres littéraires. Études recueillies et présentées par D. Mortier. P.: Champion, 2001. 176 p.
11. Gusdorf G. Auto-bio-graphie. P.: Jacob, 1991. 504 p.
12. Hoffenberg J. L'enchanteur malgré lui. Poétique de Chateaubriand. P.: L'Harmattan, 1998. 202 p.

13. Merlant J. Le roman personnel de Rousseau à Fromentin. P.: Hachette, 1905. 424 p.
14. Rousseau J.-J. Les rêveries du promeneur solitaire. P.: Gallimard, 1972. 277 p.
15. Tieghem Van P. Le Romantisme dans la littérature européenne. P.: Machel, 1963. 298 p.
16. Vadé I. L'enchantement littéraire. Écriture et magie de Chateaubriand à Rimbeau. P.: Gallimard, 1990. 489 p.
17. Vinet A. Études sur la littérature française au XIX siècle. P.: Bridel, 1848. 462 p.

Simonova L. A., Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation)

FRENCH PERSONAL NOVEL: GENRE PROBLEMS

The article examines characteristic genre features of the French personal novel represented in the works of R. F. de Chateaubriand, J. de Stael, B. Constant, George Sand, Alfred de Musset, Charles Sainte-Beuve, O. de Balzac. The issues of continuity of the XIXth century novel genre with traditions of sentimental literature are studied. The author of the article revealed correlations between characteristic features of the novel genre and the worldview of Romantic era. Narrative principles of the genre as well as the problem of the author and protagonists of the novel are described. Particular attention is paid to the ties and links of personal autobiographical novel genre with other genres.

Key words: the novel, the hero, romance, author, and culture

REFERENCES

1. Alpatova T. A. The history of literary criticism and the problems of analyzing writer's personality [Istoriya literaturovedeniya i problemy izucheniya lichnosti pisatelya]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. "Russkaya filologiya"* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser. "Russian philology"]. 2012. № 6. P. 39–44.
2. Bakhtin M. M. Author and hero in aesthetic activity [Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti]. *Bakhtin M. M. Sobraniye sochineniy*: V 6 t. T. 1. [Collection of Works: In 6 vol. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2003. 307 p.
3. Karel'skiy A. *Ot geroya k cheloveku* [From hero to human]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990. 397 p.
4. Mamardashvili M. K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [As I understand philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990. 365 p.
5. Starobinskiy Zh. *Poeziya i znaniye. Istoriya literatury i kul'tury*. [Poetry and knowledge. History of literature and culture]. Vol. 2. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2002. 599 p.
6. Barbéris P. René de Chateaubriand. Un nouveau roman. P.: Librairie Larousse, 1973. 255 p.
7. Brix M. Les sources mystique de *Corinne*: la femme, l'amour et le sacré // Madame de Staël. Actes du colloque de la Sorbonne du 20 novembre 1999. P.: PU Paris-Sorbonne, 2000. P. 85–98.
8. Chateaubriand F.-R. de. Génie du Christianisme. P.: Firmin-Didot, 1865. 399 p.
9. Eigeldinger M. Jean-Jaques Rousseau. Univers mythique et cohérence. Neuchâtel: Baconniere, 1978. 324 p.
10. Les grands genres littéraires. Études recueillies et présentées par D. Mortier. P.: Champion, 2001. 176 p.
11. Gusdorf G. Auto-bio-graphie. P.: Jacob, 1991. 504 p.
12. Hoffenberg J. L'enchanteur malgré lui. Poétique de Chateaubriand. P.: L'Harmattan, 1998. 202 p.
13. Merlant J. Le roman personnel de Rousseau à Fromentin. P.: Hachette, 1905. 424 p.
14. Rousseau J.-J. Les rêveries du promeneur solitaire. P.: Gallimard, 1972. 277 p.
15. Tieghem Van P. Le Romantisme dans la littérature européenne. P.: Machel, 1963. 298 p.
16. Vadé I. L'enchantement littéraire. Écriture et magie de Chateaubriand à Rimbeau. P.: Gallimard, 1990. 489 p.
17. Vinet A. Études sur la littérature française au XIX siècle. P.: Bridel, 1848. 462 p.

Поступила в редакцию 19.11.2013